

ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПОСТСЕКУЛЯРНОЙ РОССИИ

Д.А. Цыплаков

Национальный исследовательский
Новосибирский государственный
университет

tsypl@ngs.ru

Проблема адаптации образовательной деятельности религиозных организаций к существующей системе образования России является весьма важной. Она исследуется на основе аппарата постсекулярной философии. В публикации анализируются проблемные ситуации и описываются адаптационные механизмы разрешения конфликтных моментов в сфере образования, связанных с новой постсекулярной ситуацией. В рамках проведенного анализа предлагаются определенные модели адаптации образовательной деятельности Русской Православной Церкви с целью ее интеграции в существующую систему образования.

Ключевые слова: образовательная деятельность, религиозные организации, постсекулярное общество, модели адаптации.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-1.2-3-13

Актуальность публикации определяется тем, что образовательное пространство современной России сформировано в результате непростых исторических секуляризационных процессов в России в течение XX в. Специфика этих процессов, в отличие от западноевропейских, определяется взрывным характером процессов секуляризации в период после 1917 г. Рассмотрение образовательного пространства России в его связи с религией является особенно актуальным в настоящее время, когда возникает потребность в осмыслении родной истории, в осознании собственной российской идентичности.

Православие было наиболее широко распространенной религией в дореволю-

ционной России, да и сама историческая Россия в своих основаниях имела православную культуру. Российская образовательная традиция исторически связана с православным просвещением Кирилла и Мефодия. Изначально образование Древней Руси носило церковный характер: школы обучения грамоте существовали при монастырях и храмах. Возникшая потребность в высшем образовании проявилась и отчасти реализовалась в кружке монаха и просветителя Максима Грека (нач. XVI в.). Но по историческим причинам высшее образование в России на систематической основе начало даваться лишь в возникшей в 1687 г. Славяно-греко-латинской академии, созданной совместно церковной властью и государством. Это

учебное заведение послужило основой для формирования отечественного высшего образования в целом. Из нее родились Московский и Санкт-Петербургский университеты и Московская духовная академия. Таким образом, образовательное пространство дореволюционной России было единым: разделялись специализации (так, в Московском университете не было богословского факультета, так как в Москве была уже Духовная академия), но религия не отделялась от образовательной сферы. Достаточно вспомнить, что в университетах существовали кафедры богословия, а неофициальный день российского студенчества – «Татьянин день» – связан с храмом во имя св. муч. Татианы при Московском университете.

Несмотря на начавшиеся процессы секуляризации, в XIX веке светское и духовное образование было разделено функционально, но не содержательно. Духовные училища, семинарии, академии составляли сферу церковной образовательной деятельности, а гимназии, училища и университеты давали светское образование. В первых получали образование представители духовного сословия, а во вторых – остальные сословия. Но и в тех и в других учебных заведениях, хотя и в разном объеме, преподавались как светские, так и религиозные предметы.

Будучи духовным по предназначению, семинарское образование тем не менее давало возможность поступления в университет. Среди выпускников семинарий были такие выдающиеся лица, как граф М.М. Сперанский, В.О. Ключевский, В.В. Докучаев, И.В. Цветаев и многие другие знаменитые представители политической, культурной и научной элиты России. Среди выпускников Духовных академий было много уче-

ных-гуманитариев и философов: Н.Н. Глубоковский, П.Д. Юркевич, В.И. Несмелов и другие. Между духовным и светским образованием не было формальных преград, кроме сословных (детям духовенства бесплатное среднее образование можно было получить только в семинариях).

Русская Церковь осуществляла свою образовательную деятельность не только в духовных учебных заведениях, но она простиралась и на светские учебные заведения. С 1866 г. при Духовных академиях создаются кафедры педагогики [4, с. 81]. Церковно-приходские школы успешно работали в сфере начального образования.

Однако процессы секуляризации в образовательной сфере начались еще во второй половине XIX в., когда в период с 1865 по 1878 г. прошла реформа начального образования. В итоге число церковно-приходских школ упало с 21 420 до 4680 единиц. Процесс был остановлен Александром III, но окончательный удар был нанесен определением Временного правительства от 20 июня 1917 г., передававшим начальные церковные школы из ведения Святейшего Синода в ведение Министерства народного просвещения. В итоге из более чем 37 000 школ в церковном ведении осталось около тысячи (см. [1]).

Одним из первых декретов революционного Совета народных комиссаров стал «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января (5 февраля) 1918 года. «Отделение» в реальности означало «уничтожение». Но еще раньше этого декрета 11 декабря 1917 г. В.И. Лениным было издано постановление о фактической реквизиции всех церковных образовательных учреждений [3, с. 99]. Вместе с укреплением власти большевиков постепенно исполня-

лось и это постановление. С 1918 г. церковно-приходские школы принудительно закрывались, а в 1920-е гг. в Советской России были закрыты и все остальные учебные заведения под церковным попечительством. В результате образовательная деятельность Русской Православной Церкви прекратилась до 1944 г. А в 1946 г. вновь начала работу Московская Духовная академия. До начала периода перестройки и празднования Тысячелетия Крещения Руси (1988 г.) эта образовательная деятельность ограничивалась исключительно потребностями подготовки священнослужителей и церковнослужителей. При этом советское государство исключило эту деятельность из системы образования и не признавало церковных дипломов. Таким же образом обстояло дело и в других религиозных организациях, разрешенных в СССР. В результате образовались две параллельные системы образования: государственная (основная) и религиозная (не признаваемая государством), а ценностное поле общественного сознания было заполнено советской идеологией. Как правильно отмечает В.П. Римский, специфической тоталитарной культуры является воспроизводство превращенных формобразований, «что и порождает феномены “квазимифологии” и “антикульты”, “паранауки” и “псевдоискусства”» [6, с. 18]. А потому религия в СССР подменялась коммунистической квазирелигией, которая исчезла с распадом СССР в 1991 г.

В 1990-х гг. XX в. необходимость возрождения религиозных организаций практически из руин породила специфику религиозной жизни, заключающуюся в том, что Православие стало религиозной доминантой на большей части территории страны. Эта ситуация не нашла адекватно-

го институционального отражения в социуме. И хотя в России после распада СССР сложилась уникальная ситуация, отличающаяся от европейской и североамериканской, но принятый в 1997 г. закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» отражает тенденцию к североамериканской секуляризационной модели «религии как частного дела» (в частности тем, что в нем традиционные для России конфессии удостоились упоминания только в преамбуле) (см. [10]). В результате в 1990-х гг. образовательная деятельность Русской Православной Церкви с точки зрения государства продолжала оставаться ее «частным делом».

В начале XXI в. в России остро встал вопрос о взаимоотношениях религии и светского образования. Образовательная деятельность Православной Церкви приняла масштабный и повсеместный характер: открывались семинарии, академии, богословские институты, повсеместно развивались воскресные школы. Возникли и православные гимназии в структуре признаваемого государством среднего образования, а также богословские университеты, пытавшиеся получить аккредитацию государства. Но по-прежнему сохранялось и сохраняется разделение светского образования и образования, даваемого в рамках религиозных организаций, а религиозные предметы не находили (и не находят) адекватного места в сетке образовательных предметов даже в гуманитарном образовании.

Отсюда возникла проблема адаптации образовательной деятельности Русской Православной Церкви к новой образовательной ситуации. На наш взгляд, термин, который сейчас широко используется, – «постсекулярный» – чрезвычайно удачно подходит для описания процессов в сфе-

ре взаимодействия общества и религиозных организаций в России. В XX в. процессы секуляризации приобрели глобальный характер, однако религию не удалось окончательно выдвинуть на обочину социальной жизни. К началу XXI в. выяснилось, что религия не умерла и сохранила определенное влияние на социальную жизнь. Главный прогноз эпохи Просвещения, суть которого в том, что с ростом влияния науки и распространением образования религия будет отмирать, не оправдался. В настоящее время религия во многом избавилась от «наукобоязни», отчасти свойственной некоторым религиозным деятелям XVII–XVIII вв., и многим философам (напр., Ю. Хабермасу) стало ясно, что религия способна адаптироваться к новой секулярной ситуации. Как писал Хабермас: «Утрата многих функций и индивидуализация религии не означают неизбежности утраты ее значения ни в политической жизни и культуре общества, ни в личном образе жизни индивидуума» [11, с. 2]. Именно поэтому немецкий философ ввел понятие «постсекулярное общество». Введение этого термина, на наш взгляд, означает констатацию следующего факта: как сторонникам секуляризма, так и традиционным религиям предстоит адаптироваться к новой ситуации взаимного сосуществования в длительной исторической перспективе.

Как отмечает отечественный исследователь процессов адаптации М.В. Ромм, в целом процесс адаптации проходит «от осознания индивидом потребности в адаптации к изменившимся условиям среды и жизнедеятельности до индивидуальной интерпретации приемлемости в конкретной ситуации той или иной приспособительной стратегии и/или оценки меры опти-

мальности приспособительного результата» [7, с. 57]. То есть прежде всего успех результата зависит от осознания необходимости перемен.

К 80-м гг. XX в. Церковь успешно адаптировалась к условиям существования в советском социальном «гетто». На 100 % использовались возможности экуменических контактов и контактов в рамках «борьбы за мир» для сохранения и даже некоторого расширения базы деятельности приходов и церковных структур. При этом в основном это были возможности для воспроизведения различных сторон церковной жизни, но не для их развития. Эта сформировало модель консервативной адаптации как стратегии выживания. Таким образом, к моменту возвращения Русской Православной Церкви к широкому присутствию в социальной жизни (с 1988 г.) ее деятельность в основном была направлена на воспроизведение традиции. Между тем 1990-е гг. потребовали применения иных моделей адаптации.

Россия впервые за XX в. приобретала опыт демократии и вступала в рыночную экономику. Это означало, что в соответствии с Конституцией государство перестает контролировать Церковь, а граждане сами определяют свое отношение к религии. Как правильно отмечает М.В. Ромм, «установленная ориентация адаптационных векторов не только во многом определяла содержание глобальной конфронтации демократической и тоталитарной социально-политических систем в XX в., но и до сих пор продолжает воздействовать на характер и специфику процессов адаптации личности в посттоталитарную эпоху». Это значит, что не только Церкви предстояло адаптироваться к тому, что политическая система больше не собирается контро-

лировывать поток информации внутри и во вне системы, но и обществу предстоит преодолеть посттоталитарный синдром. Ведь в новой либеральной России конституционный принцип отделения религиозных организаций от государства продолжал и продолжает пониматься по-советски, как принцип отделения Церкви от общественной жизни и помещения ее в некое внутрирелигиозное «гетто», что отражает секуляристскую установку на полное вытеснение религии из жизни государства в целом и государственной системы образования в частности.

Важным показателем осознания нового положения Церкви в обществе стал Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви, прошедший в Москве в августе 2000 г., на котором были приняты «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» (см. [2]). Это была мощная заявка для самой Церкви, которая от начала Синодального периода (XVIII в.) до конца XX в. не выступала в мировоззренческом поле с самостоятельными программными концепциями. В плане адаптации к новой образовательной ситуации показательна XIV глава «Социальной концепции», прямо озаглавленная «Светские наука, культура, образование» [2, с. 108–114]. В ней прежде всего устанавливаются взаимоотношения религии и науки. В области естественных наук устанавливается четкая граница между ними: «Осмысление научных достижений и включение их в мировоззренческую систему может иметь сколь угодно широкий диапазон – от вполне религиозного до откровенно атеистического». Поэтому естественно-научное знание и религия находятся в состоянии «нейтралитета» по причине разделения компетенций.

Но в гуманитарной области Церковь не считает монополию секулярного мировоззрения допустимой: «Приветствуя труды светских ученых в данной сфере и признавая важность гуманитарных исследований, Церковь в то же время не считает рациональную картину мира, иногда формируемую этими исследованиями, полной и всеобъемлющей. Религиозное мировоззрение не может быть отвергнуто как источник представлений об истине, а также понимания истории, этики и многих других гуманитарных наук, которые имеют основание и право присутствовать в системе светского образования и воспитания, в организации общественной жизни». Это означает, в частности, то, что богословское сознание Церкви стремится быть представленным в гуманитарной сфере. Отсюда следует и то, что в системе образования Церковь не считает себя посторонним гостем: «Церковь полагает полезным и необходимым проведение уроков христианского вероучения в светских школах по желанию детей или их родителей, а также в высших учебных заведениях». Это не противоречит принципу светскости образования, потому что в противном случае, в случае изоляции Церкви от школы, образование приобретает квазирелигиозный атеистический характер. В связи с этим «Церковь считает недопустимым намеренное навязывание учащимся антирелигиозных и антихристианских идей, утверждение монополии материалистического взгляда на мир», – говорится в «Социальной концепции» по отношению к сфере образования. Эта установка отражает переход к активной модели адаптации, когда Русская Православная Церковь взяла курс на интеграцию своей образовательной деятельности в общероссийскую образовательную систему.

Но в России процесс идет трудно. В настоящее время лишь несколько семинарий (в том числе Смоленская) являются аккредитованными и выдают дипломы, признаваемые государством. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, хотя и создан при тесном участии представителей Церкви, но формально уже не является синодальным учебным заведением. Существует также аккредитованная государством Общецерковная аспирантура и докторантура им. св. Кирилла и Мефодия (г. Москва) при Отделе внешних церковных связей (ОВЦС), но она готовит специалистов только начиная с уровня магистратуры.

Как видим из вышеизложенного, в настоящее время сложились две стратегии вхождения образовательной деятельности Церкви в единое государственное образовательное пространство. Первая стремится создать принципиально новые образовательные единицы (гимназии, институты), которые изначально строятся по имеющимся светским образцам, принося в них конфессиональную специфику. Эта стратегия дала определенные результаты: возникли аккредитованные православные гимназии, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, теологические факультеты при некоторых вузах с православной конфессиональной составляющей и Общецерковная аспирантура и докторантура. Вторая стратегия состоит в том, чтобы аккредитовать существующие духовные образовательные учреждения. Эта стратегия пока принесла весьма скромные результаты. На наш взгляд, в настоящее время отчетливо наблюдается соревнование «старой» и «новой» стратегий, каждая из которых имеет свои отличительные черты,

свои положительные и отрицательные моменты.

Плюсом новой адаптивной системы является относительная легкость встраивания ее в систему государственного образования. Очевидны и минусы: новые образовательные учреждения начинают руководствоваться текущими запросами образовательной среды и тактически перестают ориентироваться на кадровые потребности церковных структур. Действительно, православные гимназии не являются духовными учебными заведениями, и их выпускники чаще всего выбирают светскую стезю профориентации. То же самое можно сказать о ПСТГУ и теологических факультетах. Этому соответствует и практика теологического образования в Европе. Нередко его выбирают для того, чтобы получить диплом о гуманитарном образовании, и работают впоследствии не по специальности.

Плюсами «старой» стратегии являются многолетние традиции семинарского образования и прогнозируемая профессиональная заинтересованность выпускников. Минусами – необходимость коренной перестройки образовательного и воспитательного процессов для встраивания в государственную систему, а также сопротивление официальных структур, которые видят в аккредитации семинарий угрозу клерикализации общества. Очевидно, что обе стратегии являются «дополнительными» и не противоречат одна другой. Они могут быть реализованы одновременно.

Очевидно также, что при успехе обеих стратегий будет наблюдаться всё большая их конвергенция. Богословские институты должны будут ориентироваться на классическую богословскую традицию для сохранения своей идентичности, а семинарские

курсы будут дополняться светскими гуманитарными предметами, необходимыми в подготовке теологов-гуманитариев. С ростом качества образования в традиционных семинариях их выпускники будут востребованы не только в рамках внутрицерковного кадрового запроса, но и будут удовлетворять социальный запрос всего общества на подготовленных специалистов.

Тем не менее на пути успешной адаптации образовательной деятельности Церкви к современной российской образовательной системе стоят вполне ощутимые внешние препятствия. В нашем обществе фактически реализована ситуация, когда преподавание религии невозможно в общегосударственной системе образования, а теология не признается равноправной в ряду гуманитарных дисциплин. В рамках активной адаптивной стратегии Церкви в области образования возник важный вопрос: совместимо ли преподавание богословских дисциплин с преподаванием светских предметов, и возможна ли теология как гуманитарная дисциплина в высшем образовании и в ряду дисциплин, по которым присуждаются ученые степени? С точки зрения самой теологии прямых препятствий нет: современное православное богословие готово к использованию научной гуманитарной методологии и современных научных методик, а также общепринятых в гуманитарных науках критериев оценки научной работы. Но поставим вопрос шире: возможно ли сосуществование светской системы образования и образовательной деятельности религиозных организаций в едином образовательном пространстве современной России?

На наш взгляд, это вполне допустимо, если уйти от постсоветского секуляризма как мировоззренческой нормы. Можно ли

надеяться, что религиозное мировоззрение будет включено в круг допустимых в школе и вузе предметов не «в качестве исключения», а на равноправной основе? Ведь мировоззренческий плюрализм осознается современной педагогической наукой в качестве основы образовательных стратегий в области воспитания. Как отметила Т.В. Ромм: «Признание многозначности мира наряду с представлениями о возможности познания этого мира, его понимания, все это делает актуальным вопрос не противопоставления/доминирования только интерпретативно-понимающих оснований теоретизации феномена социального воспитания, а возможности сочетания этих подходов на основании общенаучного принципа дополнительности» [8, с. 311]. Мировоззренческий плюрализм является фактом постсекулярного общества в современной России: религия не является и не воспринимается большинством населения постыдным, едва терпимым пережитком средневековья. А в системе образования это молчаливо подразумевается. По всей видимости, и системе образования придется адаптироваться к перманентному присутствию религии в социуме. Это означает также, что образовательная деятельность Церкви и других традиционных религий должна найти свое место не только внутри религиозных структур. Позитивный опыт европейских школ и университетов в этом плане является наглядным примером возможности существования религии в системе образования.

На наш взгляд, основная мировоззренческая проблема интеграции религии и образования заключается прежде всего в инерции «постсоветского» понимания понятия «светское образование». На необходимость отказа от постсоветского понима-

ния «светскости» государства указал президент Российской Федерации В.В. Путин на встрече с участниками Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 1 февраля 2013 г.: «Сегодня исключительно востребовано углубление совместной работы, партнерства государства и всех традиционных конфессий. Сохраняя, безусловно, светский характер нашего государства, не допуская огосударствления церковной жизни, мы должны уйти от вульгарного, примитивного понимания светскости. Русская Православная Церковь, другие традиционные религии должны получить все возможности для полноценного служения в таких важнейших сферах, как поддержка семьи и материнства, воспитание и образование детей, молодежная политика, решение социальных проблем, которых у нас еще очень и очень много, укрепление патриотического духа Вооруженных сил Российской Федерации. Это ответ на живую потребность людей в нравственной опоре, в духовном наставничестве и поддержке» (см. [5]).

Действительно, понятие «светский» сейчас часто отождествляется с понятием «безрелигиозный», «атеистический». Но возможно иное понимание светскости, не как безрелигиозности, но как пространства свободы религиозных или атеистических убеждений. В этом пространстве религиозные убеждения принимаются при сохранении свободного их выбора.

Для проведения данного различия плодотворным будет терминологическое разведение понятий «секулярный» и «светский». «Секулярный», на наш взгляд, может означать «основанный на идеологии секуляризма», а «светский» – «основанный на определенной модели секуляризации, подразумевающей мировоззренческую ней-

тральность государства» (см. [9]). Как это различие может помочь современной практике в сфере образования?

Представляется, что государственное образование должно утратить секулярный, но сохранить светский характер, то есть преподавание не должно вестись с латентных атеистических позиций, но и не должно каким-либо образом обязывать обучающихся и обучаемых к принятию религиозных убеждений. Прежде всего это касается комплексного курса «Основы религиозных культур и светской этики», так как содержание учебных пособий должно согласовываться с экспертным мнением соответствующих конфессий. То есть религиозный компонент может присутствовать в светском государственном образовании, не нарушая его светскости. На наш взгляд, и священнослужители соответствующих конфессий могут преподавать основы религиозных культур при наличии у них соответствующих профессиональных компетенций (педагогического образования, педагогической категории). Ведь запрет педагогу преподавать в школе только из-за того, что он служителем религиозной конфессии, антиконституционен. Естественно, в рамках этого курса религия не должна навязываться или объявляться обязательной для учеников. Желательной была бы ситуация, когда с православной культурой, как с исторической основой России, знакомились бы и неправославные учащиеся в рамках этого светского комплексного курса.

Заметим, что проблема «светскости» образования в соответствии с законодательством Российской Федерации совершенно не затрагивает образовательные организации, учредителями которых являются религиозные организации, так как свет-

ский характер обязателен лишь для преподавания в государственных и муниципальных организациях, осуществляющих образовательную деятельность. Принцип «отделения школы от церкви» был в советском законодательстве, но отсутствует в законодательных актах современной России. Его нет ни в Конституции, ни в законе об образовании, ни в законе о свободе совести и о религиозных объединениях.

Единство образовательного пространства в Российской Федерации обеспечивается в данном случае тем, что государственная аккредитация учебных заведений, созданных церковными организациями, возможна только в том случае, если обучение ведется в соответствии с государственными образовательными стандартами. При этом православные школы, гимназии, вузы вправе включать в процесс преподавания учебные предметы, курсы, дисциплины, обеспечивающие православное образование (п. 7 ст. 87 ФЗ об образовании). На основе государственных программ будет обеспечена интеграция этих учебных заведений в общее образовательное пространство со светскими учебными заведениями.

Еще один момент, где возникают трудности, это встраивание духовных образовательных организаций, то есть организаций, осуществляющих образовательные программы, направленные на подготовку служителей и религиозного персонала религиозных организаций, в образовательную систему Российской Федерации. Камнем преткновения является в данном случае статус теологии как научно-образовательной дисциплины. Показательно, что теология до сих пор не включена в реестр специальностей, по которым Высшая аттестационная комиссия РФ присужда-

ет кандидатские и докторские ученые степени. На наш взгляд, такая ситуация отражает устаревшие образовательные подходы, в соответствии с которыми образование, признаваемое государством, отделено от религии, а само образовательное пространство является секулярным. Если придет осознание того, что образовательное пространство включает в себя на равных правах и светское, и религиозное образование, то это поможет действительной реализации конституционного принципа свободы совести и идеологического плюрализма. Пока же атеизм в форме секуляризма остается де-факто парадигмой отечественной образовательной системы. Но в постсекулярном обществе на атеизме консенсуса не построишь.

В этих условиях адаптация образовательной деятельности духовных учебных заведений Русской Православной Церкви будет затруднена не только внутриорганизационными моментами, но и принципиальной инородностью религиозной образовательной деятельности существующему образовательному полю. Между тем, на наш взгляд, в целостности образовательного пространства заинтересованы не только традиционные религии, но и государственная образовательная система. Ведь единство страны обеспечивается прежде всего единством культурного и духовного пространства.

Литература

1. *Житенев Т.Е.* Начальные церковные школы в России и их взаимоотношения с государственной властью в конце XIX – начале XX века: доклад на Международной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов–2001» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/lomweb01/zhitenev.htm> (дата обращения: 19.01.2016).

2. Основы социальной концепции Русской православной Церкви. – М.: Изд-во Московской Патриархии, 2001. – 159 с.
3. Пивоваров Б., *прот.* Образовательная деятельность Русской Православной Церкви в государственных и муниципальных образовательных учреждениях и ее правовые основы // Богословский сборник. – Новосибирск: Новосибирская епархия Русской православной Церкви, 2005. – № 1.
4. Плеханов Е.А. Педагогика в духовных академиях России // Педагогика. – 2003. – № 6. – С. 81–87.
5. Путин В.В. Выступление на встрече с участниками Архиерейского Собора Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь: официальный сайт Московского Патриархата. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2767741.html> (дата обращения: 19.01.2016).
6. Римский В.П. Тоталитаризм как культурно-цивилизационный тип: дис. ... д-ра филос. наук. – Ростов н/Д., 1998.
7. Ромм М.В. Адаптация личности в социуме: теоретико-методологический аспект. – Новосибирск: Наука, 2002.
8. Ромм Т.А. Социальное воспитание: эволюция теоретических образов. – Новосибирск: Наука: Изд-во НГТУ, 2007.
9. Узланер Д. В каком смысле современный мир может быть назван постсекулярным [Электронный ресурс] // Континент. – 2008. – № 136. – URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2008/136/u20.html> (дата обращения: 19.01.2016).
10. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ: принят Государственной Думой 19 сентября 1997 г.; одобрен Советом Федерации 24 сентября 1997 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=26697> (дата обращения: 19.01.2016).
11. Хабермас Ю. Постсекулярное общество – что это? // Российская философская газета. – 2008. – № 4 (18).

RELIGIOUS EDUCATION IN POST-SECULAR RUSSIA

D.A. Cyplakov

National Research Novosibirsk
State University

tsypl@ngs.ru

The problem of adapting of the educational activities of religious organizations to the existing system of education in Russia is an important issue. The problem is investigated on the basis of the postsecular philosophy. The article analyzes the problem and describes the adaptive mechanisms for resolving the controversial moments in educational sphere. The analysis includes certain models of adapting the educational activities of the Russian Orthodox Church in order to integrate it into the existing system of education in Russia.

Keywords: educational activities, religious organizations, post-secular society, models of adaptation.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-1.2-3-13

References

1. Zhitenev T.E. *Nachal'nye tserkovnye shkoly v Rossii i ikh vzaimootnosheniya s gosudarstvennoi vlast'yu v kontse XIX – nachale XX veka*. Doklad na Mezhdunarodnoi konferentsii studentov i aspirant "Lomonosov-2001" [Elementary church schools at Russia: references to government XIX–XX. Collection of scientific papers on the materials of the international conference "Lomonosov-2001"]. (In Russian) Available at: <http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/lomweb01/zhiten.htm> (accessed 19.01.2016)
2. *Osnovy sotsial'noi kontseptsii Russkoi pravoslavnoi Tserkvi* [The basis of the social concept of Russian Orthodox Church]. Moscow, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2001. 159 p.
3. Pivovarov B., archpriest. [Educational activity of Russian Orthodox Church]. *Bogoslovskii sbornik* [Theological collection]. Novosibirsk, Novosibirskaya eparkhiya Russkoi pravoslavnoi Tserkvi Publ., 2005, no. 1.
4. Plekhanov E.A. Pedagogika v dukhovnykh akademiakh Rossii [Pedagogic in the Russian church academies]. *Pedagogika*, 2003, no. 6, pp. 81–87. (In Russian)
5. Putin V.V. Vystuplenie na vstreche s uchastnikami Arkhiereiskogo Sobora Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi [Speech for the members of Church Council, 2013]. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov'*: ofitsial'nyi sait Moskovskogo Patriarkhata [Russian Orthodox Church: the official website of the Moscow Patriarchate]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2767741.html> (accessed 19.01.2016)
6. Rimskii V.P. *Totalitarizm kak kul'turno-tsivilizatsionnyi tip*. Diss. dokt. filos. nauk [Totalitarizm as historical-civilizational type. Dr. philos. sci. diss.]. Rostov-na-Donu, 1998.
7. Romm M.V. *Adaptatsiya lichnosti v sotsiume: teoretiko-metodologicheskii aspekt* [Adaptation of person to the society: theoretical approaches]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2002.
8. Romm T.A. *Sotsial'noe vospitanie: evolyutsiya teoreticheskikh obrazov* [Social education: theoretical evolution]. Novosibirsk, Nauka Publ., NSTU Publ., 2007.
9. Uzlener D. V kakom smysle sovremnyi mir mozhnet byt' nazvan postsekulyarnym [Is modern society postsecular?]. *Kontinent – Continent*, 2008, no. 136. (In Russian) Available at: <http://magazines.russ.ru/continent/2008/136/u20.html> (accessed 19.01.2016)
10. RF Federal Law "On religion organizations" of 26 September 1997 N 125. (In Russian) Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=26697> (accessed 19.01.2016)
11. Habermas J. Postsekulyarnoe obshchestvo – chto eto? [What is postsecular society?]. *Rossiiskaya filosofskaya gazeta*, 2008, no. 4 (18).